

Труженик, рожденный править

Отметить завершение года, посвященного 350-летней годовщине со дня рождения Петра Великого, мы решили не совсем обычно. Поговорив с учеными, мы попросили каждого из них выразить свое отношение к царю-реформатору и его эпохе, а также ответить на вопрос, изменили ли это отношение события юбилейного года? Многие ли в жизни и деятельности первого российского императора до сих пор остаются неизвестными и в каких направлениях можно ожидать «прорывных» исследований? Да и как вообще отзывается та далекая эпоха в дне сегодняшнем?

Москва была совсем не варварской

Мало кому известно, что в Санкт-Петербургском институте истории РАН на Петрозаводской улице хранится одно из крупнейших в России собраний рукописных и печатных материалов, связанных с петровским временем и непосредственно с Петром Великим. Спасибо историку Николаю Петровичу Лихачеву, чья коллекция рукописей, собранная к концу XIX — началу XX века, является ныне важнейшей частью научно-исторического архива института.

Наш собеседник — директор института член-корреспондент РАН Алексей СИРЕНОВ. По его словам, он сам не ожидал, что юбилей Петра Великого окажется ему настолько близок.

— Алексей Владимирович, мы привыкли воспринимать Петра как поистине эпического героя, который одним своим волевым решением преобразил всю Россию...

— ...А также считать, что до Петра была средневековая варварская Москва и только с молодым русским царем пришел свет Просвещения. Уже давно было понятно, что эта схема не соответствует реальности, а те результаты исследований, которые были озвучены в год юбилея Петра Великого, на мой взгляд, лишены раз проиллюстрировали, насколько она упрощенная. Все было гораздо сложнее.

Сегодня для нас очевидно, что и Москва была совсем не варварской, и многие реформы, которые мы считаем петровскими, начались еще в XVII веке при предшественниках Петра — его отце царе Алексее Михайловиче и особенно при его брате царе Федоре Алексеевиче. В том числе это касается и культурной ориентации на европейские образцы. Россия допетровского времени уже была страной Нового времени, другое дело, что она была провинцией Европы.

Петр I, на мой взгляд, несколько поменял вектор: если прежде культурный мост в Европу пролегал главным образом через Польшу, то он обратился непосредственно к центру культуры — ведущим западноевропейским странам...

Чем лично меня восхищает Петр: он очень хорошо понимал и предвидел последствие тех действий, которые совершал. К примеру, побывав в 1717 году во Франции и став там членом Академии наук, он захотел создать в России подобное учреждение. Но он не скопировал, а выстроил целую систему из академии, университета, гимназии, при этом отчетливо понимая, зачем он это делает: чтобы в России были собственные специалисты по разным дисциплинам.

— И чтобы не приходилось бесконечно приглашать иностранцев?

— Конечно. Другое дело, что все не реализовалось в полной мере так, как он замыслил... Но Петр, закладывая основы академической системы, понимал, куда она должна привести. Он не просто копировал некое понравившееся ему явление или институцию, а, взяв основную идею, наполнял ее содержанием и хорошо понимал, что результаты будут не сегодня и не завтра, а через десять, пятьдесят, сто лет.

Иными словами, он был стратег. Возможно, где-то он ошибался, но тем не менее он постоянно стремился работать на перспективу. Именно так было и с его проектом по написанию истории России.

Опять-таки нельзя сказать, что Петр стал инициатором этого начинания. Еще в 60-е годы XVII века думный дьяк Федор Грибоедов получил от государя Алексея Михайловича задание написать историю России. Рукопись затем была взята в царский дворец и, по всей видимости, использовалась как своего рода учебник. Более того, Алексей Михайлович в 1657 году даже создал для написания истории России специальное государственное учреждение — Записной приказ.

Но это были единичные поручения. Для Петра же написание истории Отечества служило, если можно так сказать, важным государственным проектом, которым он занимался на протяжении всей

жизни. Причем исполнителями его были люди из совершенно разных сфер: представители церкви, чиновничества, дипломатического корпуса...

— И кому посчастливилось быть первым?

— Патриаршему казначею Тихону Макарьевскому: он еще в 1703 году получил поручение царя написать историю России. Следующие четыре года он его выполнял, но в начале 1707 года скончался. Его незаконченный труд сохранился, но он до сих пор не опубликован. По большому счету это была компиляция из различных летописных известий. На следующий год Петр поручил написать историю Отечества главе Московского печатного двора известному книжнику Федору Орлову-Полицарпову.

После этого задание получил секретарь русского посольства в Швеции Алексей Манкиев, он написал труд, который был опубликован во второй половине XVIII века. И такое же поручение параллельно с Манкиевым поступило служителю посольской канцелярии Ивану Юрьеву.

Я бы не сказал, что все эти произведения представляют какую-то самостоятельную ценность. Это, скорее, подборки известных по истории России. В определенном смысле — черновые материалы.

В 1717 году «эстафету» принял Феофан Прокопович. Он подготовил текст, который не был опубликован, зато в 1718 году были напечатаны его подписи к травиарам, изображающим русских царей. Своего рода квинтэссенция его последних, кто получил задание царя, был историк Василий Татищев.

— И ни один труд Петра не устроил?

— По всей видимости, нет, поскольку при его жизни ни один из предложенных ему вариантов не увидел свет... Труд Татищева появился уже после смерти и Петра, и самого историка. А рукопись Ивана Юрьева была напечатана всего несколько лет назад историком Дмитрием Серовым...

Так что, как видите, следы Петровской эпохи порой оказываются к нам гораздо ближе, чем это может показаться на первый взгляд. Вообще у нас до сих пор не изданы все документы, написанные рукой Петра. Процесс продолжается уже больше ста лет, нынче этим занимаются в основном специалисты Российского государственного архива древних актов, поскольку большая часть автографов царя хранится именно там. Наш институт тоже принимает участие в этом проекте.

Чтобы работа шла быстрее, Российское историческое общество при поддержке одного из банков инициировали разработку компьютерной программы по прочтению автографов Петра Великого. Поначалу нам казалось, что ее появление вряд ли реально, тем более что зарубежные аналоги плохо читают русские документы, там большая степень погрешности. Но ведь получилось! Наша программа дает 97% точности...

Хотелось бы, чтобы это был первый шаг вообще к созданию компьютерных программ распознавания архивных материалов. Их использование позволит создать полноценные базы исторических документов и, стало быть, осуществлять в них поиск по любым параметрам — именам собственным, топонимам, ключевым словам...

Азовский проект

Петербуржцы по праву считают Петра Великого «своим». Однако в не меньшей степени «своим» его считают и в Москве, и в Сибири, и даже в Калининграде, бывшем Кенигсберге, поскольку столица Восточной Пруссии была одним из первых пунктов Великого посольства, начавшегося в 1697 году. Все это исторически говорит, что Петр Великий — фигура всероссийского масштаба: для целого ряда регионов страны его личность имеет знаковый характер. Наш собеседник кандидат исторических наук Петр АВАКОВ, старший научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), подчеркивает, насколько велико значение Петра для юга России.

— Петр Ашотович, активная внешнеполитическая деятельность Петра как раз на юге и началась?

— Да, именно здесь, на берегах Азовского моря, Петр пытался реализовать свою первую геополитическую программу — она была связана с борьбой за выход в Черное море. Цель — морская торговля

с Османской империей и странами Средиземноморья. Я условно называю эти действия «Азовским проектом Петра I».

Взятие Азова в 1696 году позволило создать плацдарм для реализации этого проекта. Именно здесь по приказу царя иностранные инженеры строили по лекалам европейского фортификационного искус-

Волевой, властный, непреклонный — такой образ Петра Великого нам привычен. Именно таким изображали первого российского императора скульпторы Вячеслав Клыков и Александр Вагнер — авторы воздвигнутого ему памятника в Липецке.

ства бастионные крепости и первый в истории России морской порт — Таганрогскую гавань.

Масштаб строительных работ был колоссальным, для их выполнения ежегодно проводили массовую мобилизацию рабочих людей и мастеров в центральных регионах России. Методы подобной организации труда, опробованные здесь, затем успешно были применены при строительстве Петербурга, а также при создании других объектов на Северо-Западе России...

Интерес царя к Северо-Восточному Приазовью сохранился и после того, как началась Северная война против Швеции. Кстати, первая морская крепость России тоже появилась на Азовском море — в 1702 году, за два года до основания Кронштадта. Ее построили на специально созданном искусственном острове. Она не имела собственного имени, Петр I назвал ее Цитаделью.

— От нее что-то сохранилось?

— Ничего, кроме сооруженного на дне моря фундамента из дубовых свай и камня, поскольку Цитадель, как и другие укрепления на побережье Таганрогского залива, была разрушена в 1711 году по условиям Прутского мирного договора, заключенного после проигранной Россией войны с Османской империей. От острова осталась отмель, местные жители с давних пор называют ее «черепашкой».

Вообще если говорить о юге России, в частности о моей родной Ростовской области, то материальных объектов, сохранившихся с петровских времен, здесь удалось не так уж много. Причина тому — многочисленные войны, протатившиеся по региону в XVIII веке, и местные архитектурные традиции, обусловленные дефицитом камня и леса.

Земляные крепости разрушали еще в XVIII веке, по мере продвижения границы Российской империи на юг. Необходимость в них отпала, а какой-либо исторической ценности в давних крепостях тогда еще не видели.

Единственный каменный памятник, оставшийся от петровского времени в Ростовской области, — войсковой Воскресенский собор

Ключ к Индии

На факультете социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) на днях Петра Великого смотрят под своим углом зрения. Приоритетным является изучение системы государственного управления, созданной Петром. Как отмечает наш собеседник доцент РАНХиГС кандидат политических наук Сергей ОСЬКИН, конечно, известно, что среди «птенов гнезда Петрова» были те, кто вышел с самых низов и достиг вершин власти, но сами «социальные лифты» еще подлежат серьезному изучению. Исследование системы государственного управления тянет за собой и другие сюжеты, которые, как выяснилось, недостаточно обеспечены академическими трудами.

— Сергей Александрович, казалось бы, из года в год мы слышим про Петра I одно и то же, хрестоматийное: «...в Европу прорубил окно».

— Хорошо знаком западным вектор внешней политики Петра Великого, но ведь, собственно говоря, изначально не все было столь однозначно... Петр отправился в Великое посольство в незначительной степени для того, чтобы найти союзников против Османской империи, а так получилось, что нашел их против Швеции. Поэтому на самом-то деле

ведь Петр, настоящий царь-труженик, не только приобщил Россию к достижениям западной цивилизации, но и одновременно пытался преодолеть европейское презрение к «русским варварам», что было отнюдь не менее важно. Именно при нем Россия из периферийной страны Восточной Европы, не имевшей почти никакого влияния, чуть более чем за четверть века превратилась в мировую державу с сильной экономикой, великой культурой, мощными армией и флотом.

в Старицкой крепости, которая была столицей Войска Донского с 1644-го по 1805 год.

— Какие темы и сюжеты, связанные с южным направлением деятельности Петра, перспективны для дальнейших исторических исследований?

— Все зависит от того, какие вопросы историки задают прошлому. Конечно, если задавать одни не может. Другое дело, если задавать прошлому новые вопросы... История «Азовского проекта» Петра очень хорошо обеспечена документами, даже удивительно, что столь долго значительная их часть не особенно привлекала внимание историков. Наверное, во многом это связано с тем, что материалы разбросаны по целому ряду архивов Петербурга, Москвы и Воронежа. Но если сравнить, то документов по истории Северного столба первого десятилетия ее существования сохранилось гораздо меньше, чем по истории Азова или Троицкого (Таганрога) конца XVII — начала XVIII века.

Традиционно внимание исследователей привлекает история Азовского флота — первого любимого дитяца Петра, долгое время конкурировавшего в этом смысле с Петербургом. Это был первый регулярный военный флот в истории России, который строили с 1697-го по 1711 год, то есть восемь лет параллельно с Балтийским, поначалу более скромным. Тема достаточно изученная, но историков главным образом интересует само создание Азовского флота, а его практическое использование обычно отходит на второй план. Возможно, потому, что он не испытал боевого применения, а большая часть его судов так никогда и не вышла в море. Более того, самые лучшие корабли, включая знаменитый линкор «Гото Предестинация», были проданы туркам в 1711 году. А ведь все это не менее интересно и важно для понимания результатов деятельности Петра I, чем процесс создания флота.

Еще одним интересным сюжетом является история Азовского флота — первого любимого дитяца Петра, долгое время конкурировавшего в этом смысле с Петербургом. Это был первый регулярный военный флот в истории России, который строили с 1697-го по 1711 год, то есть восемь лет параллельно с Балтийским, поначалу более скромным.

Тема достаточно изученная, но историков главным образом интересует само создание Азовского флота, а его практическое использование обычно отходит на второй план. Возможно, потому, что он не испытал боевого применения, а большая часть его судов так никогда и не вышла в море. Более того, самые лучшие корабли, включая знаменитый линкор «Гото Предестинация», были проданы туркам в 1711 году. А ведь все это не менее интересно и важно для понимания результатов деятельности Петра I, чем процесс создания флота.

европейских «партнеров» Петр не искал колоний. России было неинтересно колонизировать чужие земли, как это делали голландцы, англичане, французы в XVII—XVIII веках.

Экспедиция на Мадагаскар была снаряжена для того, чтобы организовать торговлю, тем более что Петр получил несколько искаженную информацию о том, что происходит на Мадагаскаре. Бывший шведский флотоводец Даниэль Якоб Вильстер, перешедший на русскую службу, доверительно сообщил Петру: мол, дело выгодно, успех практически обеспечен. Дескать, там, на Мадагаскаре, устойчивая царская власть. На самом деле там было псевдогосударственное образование, созданное пиратами.

По замыслу Петра, Мадагаскар должен был стать ключом к Индии. Конечно, весьма сомнительно, чтобы на эти планы хватило средств, тем не менее такие проекты были... Следующий поход в Индию планировал император Павел Петрович, правнук Петра Великого. Но если первый русский император на Мадагаскар все-таки успел снарядить два фрегата, которые, правда, в декабре 1723 года не смогли дойти даже до Северного моря, то Павел успел лишь запланировать экспедицию в Индию через Среднюю Азию, которая тогда еще не входила в состав Российской империи...

— В нынешнем году не раз звучала оценка Петра Великого как образ-

цового, «эталонного» для России государственного руководителя. Что скажете?

— Он, безусловно, великий правитель, недаром Сенат преподнес ему титул Отца Отечества и императора Всероссийского, однако надо все-таки иметь в виду, что идеальных правителей не бывает. У каждого есть свои плюсы и свои минусы.

Да, Петр сделал очень многое, но лично я вижу изъян в том, что в основу преобразований, которые в итоге должны были привести Россию на путь капиталистического развития, он положил крепостничество. Полтора столетия Россия жила на этом ресурсе. На тех производствах, которые создавались властями, использовали государственных крестьян, а частным владельцам мануфактур, в первую очередь купцам, дали право покупать для работы на них подневольных крестьян. То есть свободное наемное труд в России не было.

К началу XIX века уровень экономического развития страны был вполне сопоставим с западноевропейским. Однако полвека спустя стало очевидно: ресурс развития капитализма на крепостнической почве исчерпан. Увы, никто из последующих после Петра правителей не предпринял значимых шагов, чтобы эту ситуацию исправить. Этим занялся только Александр II, но для этого «потребовалось» потерпеть поражение в Крымской войне.

Великий и одинокий

Изучением Петра и Петровской эпохи доктор исторических наук Евгений Викторович АНИСИМОВ занимается уже более полувека и считается ныне признанным авторитетом в этой сфере. Он автор многочисленных книг, созданных им биохронику Петра можно найти в свободном доступе в Интернете. А вот короткий конспект его лекции, ставшей началом культурно-просветительского проекта «Вечера с Петром Великим».

«Чем больше я узнаю про Петра, тем мне сложнее его понять, настолько это запутанная и противоречивая фигура. Для меня он до сих пор эдакий загадочный черный ящик...»

Как мне кажется, неприятие Москвитин было заложено в Петре с самого детства, и причиной стала нанесенная ему тогда страшная душевная травма. Речь о мятеже стрельцов: на глазах юного Петра были убиты его близкие. Именно отсюда проистекает его страх и ненависть к старой Москве, выразившийся в демонстративном разрыве с прошлым.

«Реперной точкой» стала и поездка в Архангельск: именно там у Петра зародилась мечта о выходе России к морям. Недаром корабль стал символом его эпохи. Романтическое ощущение моря не покидало царя всю жизнь. Вообще он был романтиком во главе государства, задумавшим немислимое дело...

Петр был одержим идеей служения России, в своей идее жертвенности во имя Отечества он не отделил себя от своих близких. Отсюда его жестокость и безжалостность по отношению к своему сыну царевичу Алексею, поступки которого противоречили идее Петра о жертвенном служении.

Любопытная деталь: Петр был глубоко верующим человеком, однако еще во время Великого посольства, побывав в Европе, впитал в себя протестантскую этику — почитание труда, культ успе-

ха, прагматизм. И ему казалось, что русские люди не отвечают этим качествам: мол, они дикие, эгоистичные. А с ленивыми нельзя действовать иначе как методами насилия, которое Петр считал естественным средством достижения цели.

У него было много сподвижников, но очень мало единомышленников. Сколько раз он обжигался, когда его предавали ближайшие соратники! И эта внутренняя трагедия сопровождала Петра всю жизнь. Изменил гетман Мазепа, которому Петр доверял, а Меншиков хоть и был «своим», но постоянно норовил запустить руку в казну... Шемкинский памятник, установленный в Петропавловской крепости, как нельзя лучше отражает одиночество великого человека, которого никто по-настоящему не понимает.

Поэтому Петербург действительно стал главным детищем Петра. В нем он нашел свою малую родину и уже не покидал ее до самой смерти. Ему казалось, что сам город отвечает ему взаимностью, никогда его не предаст и никогда не покинет.

Сегодняшний юбилей отразил величие и бессмертие Петра. Великий тот государь, все помыслы которого нацелены на то, чтобы сделать страну могущественной. Кажется, что даже сегодня, спустя почти триста лет после его смерти, фигура Петра стоит за нашими плечами. И с пути, по которому Россия пошла при Петре, нам уже не свернуть — почитание труда, культ успе-